

ПОСЛЕ СМЕРТИ

Посвящается лётчикам малой полярной авиации.

(начало см. № 71)

Продолжение

...Долго ещё были видны на плоской тундре три фигурки людей, уходящих строго на запад. Часа через два Алёшин с ребятами поднялись на плоскую невысокую возвышенность. На ней обнаружили следы от костров, обглоданные кости оленей, примятый круг карликовой берёзки, место от стоящего когда-то здесь чума самоедов.

Среди кучи мусора под приматыми кустиками берёзки Алёшин заметил банку, размером с тарелку. По форме ёмкость напоминала большую пиалу из какого-то серебристого потемневшего металла с помятым боком. «Пригодится, - подумал Алёшин, - с посудой у нас в лагере худо». И сунул находку в карман.

Километров через десять вышли на вершину довольно высокого песчаного холма. На холме увидели несколько почерневших от времени прямоугольных деревянных ящичков, стоящих на невысоких столбиках. Вокруг ящичков были воткнуты длинные шесты, хореи - остолы для управления упряжками оленей. На них были привязаны разноцветные лоскутки, развевающиеся на лёгком ветерке.

- Это - хальмеры, захоронения ненцев, или чукчей, - сообщил Алёшин. - Я видел такие домовины, когда работал на оленях, с ненцами. Места эти святые для местных жителей. Видите: - он поднял крышку, - в ящиках кости их предков, старая берданка, копьё, лук для стрел, пучок стрел, топор. В изголовьях у них вещи, предметы быта, которыми покойные пользовались при жизни. Должно быть, здесь захоронен мужчина. - И Алёшин приоткрыл небольшой ящичек в изголовье захоронения. Там лежал заржавевший нож, какой-то истлевший мешочек из кожи, непонятный амулет на цепочке, жестяная миска, железная ложка. Под ящичком полуистлевшие нарты. - Видите: - указал Алёшин под ящик, - кости, череп оленя. Должно быть, любимый вожак принесён здесь в жертву. А покойничек, судя по гарпуну, копьё и стрелам, был хорошим охотником на морского зверя. Может быть, и на кита. А здесь, судя по хозяйственным предметам и украшениям, похоронена женщина. Вероятно, из зажиточной семьи...

В ящичке тоже были кости, прохудевший казан, серебряная миска, ложка. В маленькой шкатулке находились серебряный потир-иконка, россыпь иголок, напёрсток. Там же обнаружили цепочки, брелки желтого металла 56 пробы на замках, золотые. Ещё было несколько блюдец и чашек тончайшего фарфора.

- Ого! - воскликнул Алёшин, рассматривая клейма на фарфоре. - Посуда-то братьев Кузнецовых! Бесценная, уникальная теперь вещь на чёрном рынке. Изделия этой фирмы и в девятнадцатом веке высоко ценились. Смотри-ка, и сюда купцы проникали. Выменивали, вероятно, у бедных пастухов меха на водку, на фарфор, на бижутерию... На дорогую, однако! Должно быть, не очень надували тёмных пастухов. Видите, на серебряном подстаканнике клеймо 925, высшее качество! А вот ложка, тоже серебряная, 88 пробы и клеймо - женская голова, повернутая вправо. Подстаканники серебряные 84 пробы, и клеймо - женская головка в кокошнике, повернутая влево. Кстати, подстаканники появились в России лишь в конце девятнадцатого века. Так что, всё это девятнадцатый век. Вы... вот что, парни: здесь ничего не трогать! Как я уже сказал, для оленеводов это место поклонения. Заметят, что потревожили, убьют! Поняли?

- Поняли, - переглянулись рабочие.

- А кто в этом захоронении? - проговорил Алёшин, открывая ещё один ящик. - Тоже женщина! Видимо ещё более богатой была при жизни. Видите, сколько здесь золотых украшений. И пробы - 56, на замках брошей и подвесок. Пробирная палата в девятнадцатом веке ставила свои пробы только на замках украшений. А вот кулон золотой, 750 пробы, и клеймо - женская головка, повернутая влево. И это девятнадцатый век. Однако! - воскликнул Алёшин, рассматривая фарфоровые чашечки и блюда. - Да это же посуда мейсенского фарфорового завода Германии! Такого раритета и на чёрном рынке теперь не сыщешь! Только тут и сохранилась. Неужели и немцы здесь промышляли..?

- Сколько мы от лагеря прошли?

- Да километров двадцать пять, полагаю. Пожалуй, я буду возвращаться. Давайте прощаться, путь вам добрый, - пожал Алёшин руки парням. - И договорились, парни? Ни к чему здесь

не прикасаться. Ничего не трогать. Я вас предупредил. Мертвые вас не тронут. А местные ненцы... народ серьёзный.

- Мы решили здесь переночевать, - объявили неожиданно рабочие. - Сухо тут, за ветерком. А завтра пораньше встанем, оставшиеся километры пробежим.

- Смотрите, вам шагать. Ещё километров тридцать пять до вашего лагеря, если не больше.

И Алёшин стал быстро спускаться с пологого холма.

Он вышагивал торопливо, спеша до сумерек добраться до лагеря, то и дело, оглядываясь назад, где остались рабочие. На фоне низкого солнца, спешащего на закат, отчётливо, как на экране теней, были видны силуэты двух парней, могильные захоронения, чёткий контур холма. Километра через четыре Алёшин вдруг изумлённо замер. Подходя к склону - там, где он переходил в плоскую сырую тундру, лежал самолёт! Он быстро приблизился к нему, и с любопытством стал осматривать его со всех сторон.

«Аппаратик, - думаю, - тридцатых годов, с гофрированной ещё оболочкой, - отметил Алёшин. - Где-то в эти годы перестали выпускать такие самолёты. Поздние модели стали изготавливать с гладкой поверхностью. А самолётик, наверное, из тех многочисленных пропавших без вести лётчиков в тридцатых годах. Искали его, конечно, но как его обнаружишь на таких огромных просторах. Полагаю, он тогда воткнулся в болото по уши. Его и не заметили. А с годами мерзлота выдавила машину. Костей в кабине нет. Либо пилоты выбросились с парашютами и где-то затерялись, погибли, либо выбрались ранеными после падения - и тоже пропали. Номера самолёта я запишу. Потом выяснится, что за экипаж здесь пропал, и когда...».

Алёшин оглянулся на холм, на оставленных там ребят и вздрогнул. На вершине холма полыхал яркий огонь. Оставшиеся на ночлег ребята запалили костёр. Один, из отчётливо видных ранее на вершине пригорка ящиков, с погребёнными костями, исчез. Алёшин развернулся, и почти бегом направился в сторону ребят. «Они - что там, с ума сошли?!» - бормотал Алёшин. И тут он услышал знакомые звуки «хе-хе!», и хорканье оленей. На фоне ярко-оранжевого неба, по западному склону возвышенности стремительно мчались две оленьих упряжки. За упряжка с лаем бежали четыре оленегонные собаки. Олени направлялись к вершине холма.

И Алёшин испугался. Он присел, чтобы его не заметили оленеводы. Хотя вряд ли они его рассмотрят в нескольких километрах, на фоне желтеющей тундры. Он увидел, как у костра вскинулись две фигурки людей. Должно быть, парни услышали либо восклицания погонщиков, либо хорканье оленей, а, может быть, лай собак. Метрах в тридцати от ребят пастухи остановили нарты и двинулись в сторону костра. В руках у них оказались короткие шесты, остолы для управления оленями. «Да нет! - с ужасом подумал Алёшин: - ружья у них в руках, ружья или карабины!». Алёшин всё понял - и буквально распластался, вжавшись в низкие заросли карликовой берёзки. Всё происходящее перед ним было теперь, как на сцене кукольного театра.

Ненцы подошли к разорённому захоронению и с равнодушными лицами осмотрели полыхающие в костре погребальные доски, валяющиеся тут же пожелтевшие кости скелетов предков, выброшенные из ящика. Один из подошедших молча поднял карабин. До Алёшина донёлся сухой звук выстрела. Кто-то из парней упал. Второй парень с криком ужаса бросился бежать. Оленевод одной рукой быстро вскинул винтовку и, не целясь, ударил вслед бегущему парню. Тот тоже рухнул. Ненец неторопливо подошёл к ещё живому парню и выстрелил ему в голову.

Какое-то время каюры ходили по вершине холма, нагибались, что-то подбирали, о чём-то гортанно разговаривали, смеялись.

В похолодевшем воздухе, уже на исходе дня, звуки с вершины погребального захоронения отчетливо доносились до Алёшина. Потом оленеводы остановились и долго смотрели в его сторону. Но, по-видимому, ничего подозрительного не заметили и подошли к оставленным нартам. Собаки, было, кинулись вслед за оленями, но вдруг остановились, почуяв, вероятно, чужие следы, и даже побежали на запах, уткнув свои чуткие носы в землю. Алёшин обречённо замер. Но тут пастухи громко окликнули их; собаки какое-то время нерешительно потоптались на месте, а затем бросились догонять нарты. Алёшин облегчённо вздохнул, привстал на колени и долго смотрел вслед нартам, пока они не скрылись за горизонтом.

Алёшин выпрямился и заспешил назад, к месту, где только что на его глазах разыгралась страшная трагедия.

Прямо на холм Алёшин подниматься не стал, чтобы его силуэт на фоне закатного солнца кто-нибудь из обитателей тундры не заметил. Осторожно поднявшись по восточной стороне возвышенности, он сначала наткнулся на убитого Бориса. На лице погибшего застыл ужас. В нескольких метрах от него лежало тело Якова. Выражение его лица было удивлённым. С тру-

пов были сняты резиновые сапоги. Рюкзаков тоже не было. Фарфоровые блюдца и чашки исчезли. Не обнаружилось и украшений.

«Ребята решили, что фарфор, украшения большая ценность. И подумали, что хорошо зарабатывают. Потому и решили заночевать здесь - разграбить захоронения. Предупреждал же я их... не поверили! А посуду и цепочки ненцы забрали». Алёшин постоял ещё некоторое время на холме, соображая, что делать с трупами. Потом решил возвращаться в лагерь и посоветоваться с ребятами. Не стал ни к чему прикасаться и повернул обратно. Костёр из досок домовин самоедов дотлевал...

Не успел Алёшин добраться до увала, перед которым он обнаружил самолёт и где он нашёл посудину, как мгновенно - как это бывает на Севере - стемнело. Он поозирался, но нигде не заметил огонька. Брести в темноте было опасно - можно было уйти далеко в сторону от лагеря. Алёшин слегка разгрёб тёплый песок на южном склоне холма, улёгся в вырытое углубление, присыпал себя со всех сторон песком и попытался уснуть.

Когда стемнело, в лагере на озерке - у взорванного самолёта - запаниковали. Алёшин в условленное время не вернулся. Посоветовавшись, решили, что утром Семён и Роман дойдут до холма, до которого Алёшин взялся проводить ребят. С тем и забылись тревожным сном в сырой палатке.

Утром, наскоро перекусив, ребята собрались выходить на поиски. И тут увидели вдали фигуру человека, спешащего в их сторону. Вскоре рассмотрели, что это Алёшин. Уже через час все сидели вокруг него и слушали невероятно жуткую историю гибели Бориса и Якова. Ни одного восклицания не сорвалось из уст слушающих. Лишь некоторые иногда встряхивали головами, не в силах поверить в случившуюся трагедию.

- Собственно, вкратце, вот и всё, - закончил Алёшин. - Но чего-то подобного я ожидал, - продолжил он. - Ненцы и чукчи, да и вообще народы Севера, тундры - не такие уж и покорные, безропотные. Ненцы, чукчи, эвенки и войны вели между собой из века в век за пастбища, за оленей. А в случаях вторжения в их земли иных народов, объединялись и давали им жесточайший отпор. Из архивов известно, что они со времени проникновения русских, с десятого одиннадцатого веков и почти донныне, оказывали им упорное сопротивление. Неоднократно походы новгородцев, псковичей, московитов в вотчины самоедов заканчивались сокрушительными разгромами русских отрядов. Иногда - их полным истреблением. Схватки между русскими и народами Севера затихли, было, в шестнадцатом-семнадцатом веках, но известны и позже - вплоть до двадцатого века. Военные конфликты прекратились лишь в двадцатых годах прошлого, двадцатого века! Почти в это же время было подавлено и сопротивление так называемых «басмачей» в Средней Азии. «Патронов нет, пулемётов нет, как воевать?» - слышал я от жителей-туркмен ещё и в 50-ых годах, когда работал в Туркмении, - подытожил Алёшин.

От себя, от автора, и как от жителя 21-го века, добавлю один мало известный и тщательно скрываемый властью в России факт. В 2010 году популярный на Севере югорский поэт, ненец конфликтовал, судился с нефтяной кампанией «Лукойл». И даже выиграл у неё суд, и получил один миллион рублей. Однако позже дело спустили, как говорится, на тормозах, и всё закончилось ничем. «До прихода русских тундра была чистой», - говорят коренные жители Севера. Так что им есть, за что не любить нас, русских. Мне иногда, как геологу, почти пятьдесят лет работавшему на Севере, приходят в голову страшные мысли: «А не с ненцами ли, с чукчами, с коренными жителями надо увязывать не такую уж и редкую пропажу людей, исследователей Севера, иных регионов? Как когда-то без вести исчезали военные отряды Московии, Новгорода, Пскова, посланные на покорение народов Заполярья». Я сам был лично знаком с несколькими ребятами-геологами - геодезистами, пропавшими без вести, как говорится, «на чистом месте», при проведении полевых работ в диких, неисследованных краях. Даже написал о таком случае исчезновения техника-геолога в одной из своих повестей.

На какое-то время Алёшин замолчал, а потом продолжил.

- Где-то я на стороне оленеводов, местных жителей. Ещё в одиннадцатом веке, когда Русь силой не могла покорить самоедов, она стала с ними торговать. И сюда устремились купцы. Судя по вещам, найденным в захоронениях, обмен товарами между народами был взаимовыгодным. Торговцы поставляли сюда железные изделия, ружья, охотничье снаряжение, даже посуду и украшения. И заметьте: хальмеры веками стояли по всему Северу нетронутыми. Их не грабили не только купцы, но и военные отряды царских посланников. А царства мертвых, хальмеры, повсюду опекались родственниками, подновлялись. Когда родственников не оставалось, останки захоранивались в мерзлоте. Имуущество покойных честно делилось между живыми. Об

этом написано подробно в дореволюционных летописях. Массовый грабёж захоронений начался после переворота 17-го года, и продолжается донныне. И их почти не сохранилось. Я сам как-то присутствовал при разорении одной могилы оленевода. Начальник геологического отряда выгреб тогда из захоронения женские украшения, сервиз посуды тончайшего фарфора, тщательно упаковал его, и весь сезон возил с собой, а потом доставил в Ленинград. Я был молод, и я не понимал - что это за фарфор. Наверное, начальник поживился посудой фирмы братьев Кузнецовых, а, может быть, и мейсенским фарфором. Теперь, пожалуй, таких захоронений мало сохранилось, разграбили, печально закончил Алёшин.

Сразу после рассказа Алёшина, решили идти к месту трагедии: захоронить Бориса и Якова.

- Я вот что думаю, - задумчиво проговорил Виктор: - почему каюры не пытались узнать, откуда пришли эти двое на их захоронение? Не будут ли оленеводы искать лагерь, откуда пришли грабители? Выйдут на нас и перестреляют, как куропаток, как свидетелей. А нам и отбиваться нечем...

- А я полагаю, оленеводы решили, что Борис и Яков из лагеря геофизиков. Они же знают, что там большой лагерь стоит. И он - недалеко от захоронения. И людей там человек двадцать, - проговорил Алёшин.

- Двадцать два, - откликнулся командир, - я их вывозил на озеро. - Мне вот что странно, почему они не боятся ответственности за убийство?

- Чего им боятся! Они у себя дома. А люди ушли в тундру и пропали. Сколько людей исчезло без вести из нашего брата, бродяг... Кто их ищет? - спросил Алёшин.

- Но ведь трупы-то остались - убитые, с пулями, - заметил Виктор.

- А вот это странно, - пробормотал Роман.

На следующий день вся четвёрка рано утром вышла из лагеря, и налегке - с одной лишь дюралевой стойкой, поспешила к месту трагедии.

Вышли на вершину холма, увидели ящики, ненецкие домовины, колья, увешанные цветными лоскутками, место от прогоревшего костра. Трупов не было!

- Что за мистика! - воскликнул Алёшин.

- Может быть тебе приоблажилось? - спросил Роман.

- Смотрите, вот здесь лежал Борис, - Алёшин ткнул пальцем на затоптанный мох: - Видите, кровянищи сколько? И ещё, - он быстро переместился к кострищу и указал на большое пятно крови. - Тут я нашёл Якова. А теперь их нет: их вывезли! - и он присел над лужицей высохшей крови. - Вот след нарты скользнул через кровавое пятно и смазал его.

- Пожалуй, ты прав, - согласился Виктор, осмотрев пятно, - следы убийства скрывают. Потому и увезли трупы. Где-нибудь в болоте затопят - и шито-крыто! Давайте-ка быстрее отсюда сматываться, пока они нас не заметили. Ни к чему не прикасайтесь! Пошли!

И они ушли.

Опять потянулись дни надежд и мучительные, сырые и холодные ночи. Каждый день слышали отдалённые звуки моторов. Палили дымные костры. Но их не находили. Через десять дней вновь возникла идея похода к лагерю геофизиков. Собственно, она всё время витала в разговорах. Однако её отвергли из страха встречи с оленеводами. Решили подождать ещё пять дней и уж тогда рискнуть - уходить всем к геофизикам. Продукты практически заканчивались. Из кусков тонкой проволоки, извлечённых в рухнувшем самолёте, сладили петли и поймали двух щенков песцов. Их ободрали, сварили и съели. Снова у нор поставили петли. Но песцы поумнели - больше не попадались.

На четырнадцатый день ожидания вдруг услышали необычный гул мотора с западной стороны - со стороны лагеря геофизиков. Быстро зажгли костёр. К ним приближалась с ревом невиданная ранее машина, зависла над лагерем - и села. Это был вертолёт МИ-4. Никто из четвёрки ранее не видел ещё вертолётов. На базе в эксплуатации вертолёт появились в наше отсутствие. И тут же были направлены на поиски пропавшего самолёта.

Из машины выбрались два человека. Один представился вторым секретарём горкома партии, второй - рабочим, сопровождавшим его.

- Уже вижу, что случилось, - прервал секретарь, начавшего было говорить командира, - позже расскажите. Готовы немедленно лететь? А где ещё люди?

- Двоих оленеводы убили, а... - проговорил, за его спиной Алёшин.

- Тихо! - полуобернулся на него секретарь. - Об этом потом. Быстро грузитесь.

Вот тогда - в кабинете горкома столичного города одного национального округа СССР - со всех нас, потерпевших, из того злополучного самолёта, и взяли подписку о неразглашении обо всём случившемся с нами. И вот только теперь я рассказал всю эту историю полно и, кажется,

без утаиваний. Каких-либо расследований убийства наших друзей не проводилось. Власть не желала обострять отношения с коренными народами Севера ещё и потому, что вскоре здесь, на их землях, обнаружались громадные запасы нефти и газа.

А наша жизнь? Жизнь после смерти продолжалась. Но остался вечный вопрос: кто спасет? - кто спасал меня и людей, меня окружавших в течение долгой моей жизни?

Осталось добавить немного. По записанному мною номеру, установили пропавший без вести в тридцатых годах самолёт АНТ-20. Искреннюю, хотя и скорбную благодарность за эту трагическую находку я получил от немногих сохранившихся родственников членов погибшего экипажа. А «посудина», которая обнаружилась на стойбище оленеводов, оказалась серебряным греческим кубком. Это дало историкам выдвинуть идею торговых связей греков с северными народами Союза. Теперь кубок выставлен в музее Санкт-Петербурга. И каждый посетитель сейчас может зайти в Эрмитаж, увидеть эту вазу и прочесть - где, когда, кем, и при каких обстоятельствах найден в Заполярье этот серебряный кубок из Греции. Но полной правды этих обстоятельств вы там не прочтёте.

Геннадий Гончаров. (Россия) Канберра.

Тайга

Тайга строга. В тайге не плачут -
вдали от самых дорогих.

А если плачут, слезы прячут,
спокойно помня о других.

В тайге не лгут и не воруют -
нельзя: себе и у себя.

Тайгой идут. В тайге воюют.

Поют, простуженно сипя.

В тайге за все в ответе сами,
за все в тревоге наперед,
сквозь зиму честно тащат сани
и лето переходят вброд.

Тайга с безмерными вещами,
с добром, чей мед всегда горчаш,
с энцефалитными клещами,
с тысячелетними хвощами,
с тысячеверстыми плащами
глухих тысячеглазых чаш.

Тайга с прохладными устами,

где вдруг сквозь марь блеснет алмаз
и чуткий лось рога уставит,
от страха в бурелом ломясь...

Тайга, где тонут,

где не стонут,

до крови ноги разодрав,
где все - до капли - жизни стоит,
где надо все еще построить
над омутом дремучих трав!

Тайга, ты дом наш. Грубо, трудно
и безоглядно дорога.

Ты не для труса, не для трутня,
ты - для работника, тайга.

Деремся из-за каждой пяди.

И вот, багульником дыша,
через безглазье белых пятен -

твои распутанные пряди

и расколдованные пади,

и - настезь вся твоя душа!

Римма Федоровна Казакова. г. Хабаровск.

СОБАКА

И почти ослепла, и не слышит.
Вместо лая - судорожный хрип.
А хозяин разбирает крышу -
Разбирает дом свой дед Архип.

Новостройка победила в схватке:
Был поселок, а теперь уж нет...
И вздыхает, глядя вниз украдкой,
На собаку глядя, хмурый дед.

Кажется, вчера лишь по лужайке
Бегала резвее, чем ручей.
И убить теперь до боли жалко,
А оставить - и того жальчей!

Думы - роем, словно пчелы в мае,
Словно угрожает недород...
И собака деда понимает,
И уже прощает наперед.

Микола Тютюнник. Украина.

СТРАННОСТИ ВЛЕЧЕНИЯ

Жив курилка! С наклеенного на фонарный столб предвыборного плаката прямо на меня нахально пялилась неизбежно узнаваемая широкая физиономия. Шаг влево - смотрит, шаг вправо также не отрывает прищуренных глаз, просто настырно сверлит взглядом. Пойдёшь прочь, будет буравить уже спину, пока окончательно не потеряется из виду. Такие вот они - фотопортреты анфас. Давненько мне не попадалась эта знакомая личность. «Высшее медицинское образование и богатый жизненный опыт помогли ему понять, как улучшить нашу жизнь...» Я ещё не успел дочитать надпись под цветной фотографией, а память уже услужливо подсунула место и обстоятельства нашей последней встречи.

На тех военных сборах он выглядел солидно и отрешённо. Одинок сидел в сторонке, соблюдая дистанцию от прочих. К такому не подступиться с разными дурачками, заведомо предназначенными для других предложениями. Да никто ему и не предлагал ни сообразить на троих, ни в картишки перекинуться. В меру упитанный мужчина под сороковник, пожалуй, даже пухленький с несколько одутловатым лицом и щеками, сразу напоминавшими такую важную часть тела у типичного запасливого хомячка. Впрочем, ни это, ни что другое в его облике не вызывало неприязни или отвращения. Наверняка, для кого-то он выглядел даже привлекательным. Наличие откровенно наметившегося брюшка свидетельствовало, скорее, не о его лени и враждебности к физическим упражнениям, а выдавало благожелательное отношение к пиву с одновременной потребностью частенько и хорошо покушать. Он явно знал толк в шашлыках.

Что же до видимой отстранённости от окружающего или даже некоторой демонстративной надменности - такое вполне соответствовало его профессии и занимаемому прежде посту: психиатр, да к тому же директор закрытого лечебного спецучреждения.

Впрочем, если приглядеться повнимательнее, можно было различить в его облике едва приметные следы растерянности и некоторой неряшливости. Поговаривали, что в недавнем прошлом его осудили на условный срок со снятием с должности и лишением права заниматься лечебной деятельностью, так что врачом он уже не являлся. Однако, в военкоматской канцелярии он пожизненно остался старшим лейтенантом запаса.

Надо сказать, месячные сборы для советских офицеров запаса медицинской службы проходили вовсе не в полевых условиях среди армейских палаток, строевых плацев или казарм в расположении воинской части, а в аудитории местного мединститута. После дня многочасовых лекций курсанты, или как их там назвать, распускались по домам до следующего утра. Пострелять из калаша или ТТ давали только в последний день, да и то холостыми патронами, для чего вывозили всех скопом на загородное стрельбище. По месту основной работы на всё время сборов сохранялся средний заработок, как по больничному листу. За день для учёта посещений проводились две-три обязательные поимённые переключки с неизбежным сообщением об отсутствующих в родную бухгалтерию.

Аудитория предоставлялась самая большая с кафедрой для лектора, от которой уступами поднимались вверх ряды с откидными столиками, за которыми обычно располагались студенты-очники. Мало кто из офицеров запаса слушал эти нудные, монотонно читаемые лекции. Одни листали газеты, другие утыкались в книгу, третьи играли в шахматы, а то и в карты. Правда, никто здесь не резался в «секу», столь любимую алчными газпромовскими вахтовиками в пригородных электричках. Со студенческой поры самыми ходовыми оставались преферанс, «атомный» кинг (тот же малый преферанс), либо простой кинг с обязательными «хвалёжками» с объявлением козырей или бескозырки при наборе плюсов. Если время поджимало - просто перекидывались в буру. Некоторые успевали с утра обернуться до рюмочной или навёрстывали упущенное в обеденный перерыв, другие приносили выпивку с собой, прочие же, вдоволь назавидовавшись таким счастливицам, спешили догоняться уже после лекций.

Где-то спустя неделю такой вот подневольной жизни в аудиторию, в начале первого десятиминутного перерыва, ворвалась молодая встревоженная женщина с узелком в руках и немедленно приступила к лектору, не успевшему покинуть трибуну. Поскольку микрофон оставался включён, все в зале невольно оказались в курсе переживаний незнакомки. Женщина слёзно умоляла сотрудника военной кафедры отпустить её мужа на ночь домой - помыться и навестить детей. С её слов, тот - восьмью сутками, как убыл на данные сборы, и больше от него не поступало ни весточки. Лектор терпеливо разъяснял несчастной, что никого здесь насильно не держат после ежедневных занятий, одновременно разбирая записи учёта посещаемости. Наконец он сообщил, что субъект с такой фамилией, действительно, имевшейся в списках, не появлялся ни

разу. Женщина успела потребовать перепроверки прежде, чем до неё дошло, что всё это значит. После чего понуро покинула сборище под ехидные ухмылки некоторых офицеров запаса.

Но бывшему психиатру было не до веселья даже по бесспорно располагавшему к тому поводу. После недавних передраг он явно утратил способность, даже если такая у него имелась раньше, воспринимать окружающее с юмором.

Поговаривали, он согласился в своё время на заведование закрытым интернатом для психически больных и умственно отсталых детей в каком-то захолустье средней полосы. Быстренько, с укороченным испытательным сроком, приняли в партию: разве, можно было доверить беспартийному пусть небольшой, но руководящий пост? Там-то наш деятель и стал жертвой своего странного и неуместного влечения. Точнее жертвой оказалась одна из доверенных его заботам обитательниц того заведения. Он же просто использовал своё служебное положение с неблагоприятной целью.

Впрочем, было ли само совращение? Принуждение? Да и какие понятия уместны в таком случае? Уж точно не «любовь» или «неодолимая симпатия». Возможно, не избалованная вниманием со стороны, лишённая всех прав, да и не имевшая о них понятия, несчастная откликнулась таким образом на внезапное участие взрослого, сумевшего вызвать у неё доверие. К тому же, в искажённом восприятии мира больного подростка он наверняка представлялся, по меньшей мере, почти небожителем. Если даже допустить, что нуждавшаяся в наблюдении и опеке умственно отсталая девочка с генетическим синдромом Дауна или чем-то там ещё сама избрала его объектом своих сексуальных приставаний, разве это может хоть сколько-нибудь оправдать совершённое им? Ведь перед его авторитетом и положением она оказалась совершенно беззащитной. Тут уже невольно начинаешь подозревать патологию у самого «попечителя»...

Будучи директором, он, скорее всего, набирал себе для подработки ещё и платные дежурства. Остаётся только гадать, как его угораздило докатиться до связи с умственно отсталой несовершеннолетней пациенткой. Если он успел предварительно заложить за воротник, подобное обстоятельство лишь усугубляло чудовищность содеянного. Скорее всего, это случилось во время вероятного ночного дежурства, а потом неоднократно повторялось снова и снова.

Видимо, остатки соображения полностью покинули его, когда он и вовсе взял больную девчущку к себе домой, чтобы жить с ней постоянно. Среди персонала прошёл слухок, что неполноценной избраннице директора принудительно сделан аборт. Однако, минуло несколько месяцев, пока кто-то из подчинённых не донёс о происходящем безобразии во все инстанции, в которые только смог донести. Главное, что справедливость восторжествовала, важен конечный результат. Только непонятно, почему подобное продолжалось столько времени, и никому до того не было никакого дела? Вряд ли он мог вызывать неодолимый страх и трепет у подчинённых. И невольно начинаешь думать: а может, такие случаи вовсе не редкость в подобных учреждениях закрытого типа? Наподобие всё чаще открываемых со временем фактов педофилии церковнослужителей разных стран?

Для него стала вырисовываться вполне предопределённая картина: суждено будущему зеку после вынесения приговора по справедливости быть опущенным с острым осколком стекла или заточкой у горла с последующими долгими годами проживания у параша.

Но всё сложилось для нашего героя вполне благоприятно самым странным образом. До перестройки, ускорения и гласности оставалось ещё год-другой, и подробности такой развязки остались таинственными и неразгаданными. Можно, конечно, предположить, что у попавшего впросак оказался наверху покровитель, родственник либо приятель, сумевший вовремя использовать свои связи и положение, чтобы замаять происшедшее и спасти непутёвого любителя дефективной клубнички. Но это только догадки.

Более вероятно, членство в КПСС и должность секретаря первичной парторганизации послужили для него «аварийной подушкой безопасности» или спасительным парашютом. Да, к тому же, в деле оказался замешан какой-никакой, но местного масштаба руководитель государственного интерната! Очень возможно, с ним заключили негласное соглашение, по которому он обязался даже зарегистрировать брак со своей психически неполноценной сожительницей при достижении ею предусмотренного для того возраста. Однако, то всего лишь опять гадание на кофейной гуще. Тем более, рассказавшему о злоключениях бывшего директора осталось неизвестным, сколько прожил он со своей недееспособной подружкой, и чем всё закончилось. Разумеется, едва на нашего трудягу завели уголовное дело - сразу с работы турнули, лишили диплома без права заниматься любой медицинской деятельностью, партбилет отобрали (вот уж самое страшное наказание со сталинских времён для службистов всех мастей), но зато в итоге дали всего лишь условный срок.

Через некоторое время в самом начале кооперативного движения он сумел оказаться одним из первых владельцев платных общественных туалетов. Его дела быстро пошли в гору. Он начал всерьёз готовиться к областным выборам в качестве независимого кандидата и даже пытался добиться собственной реабилитации, как жертвы коммунистического судебного произвола. Но, похоже, те, кто прежде помог ему избежать справедливого наказания, вовремя вправили ему мозги. На дворе полным ходом нарастала гласность, и любые СМИ для подъёма собственной популярности с радостью ухватились бы за любые чернушные подробности.

Наш герой решил не искушать судьбу, чтобы не оказаться хитом газетных и журнальных полос, и отказался от несвоевременно зародившихся политических амбиций. Его кооператив и без того беспрерывно расширял поле деятельности. Вот только по военному билету он продолжал значиться старшим лейтенантом медицинской службы запаса, и от очередных командирских сборов отвертеться не удалось. Но и в этом вопросе он надеялся на скорое взаимопонимание с растерянным от армейских реформ и перестройки районным военкомом. Видимо, так оно и вышло: следующие сборы проходили уже без него.

И вот на тебе - снова появился. Видно терпение его иссякло. Конечно, физия стала пошире, да волос значительно убавилось на голове, как-никак два десятка лет минуло, не меньше. Каким же мёдом намазана для такой братии социальная стезя? Что его вынесло на этот плакатик? Тщеславие, или же сделанные деньги захотели власти, чтобы сделать ещё большие деньги? И, как правило, такие обычно добиваются своего. Главное - все они всегда «знают, как улучшить нашу жизнь»!

Очень кстати в кармане моей куртки обнаружился чёрный маркер для надписей на CD. Воровато оглядевшись по сторонам, я быстренько пририсовал без пяти минут депутату маленькие острые рожки и усики а ля Адольф. Внушительная до того мордуленция с листовки тотчас приняла несерьёзный, даже отталкивающий вид. Что ж, пусть теперь паянется на прохожих, сколько ему влезет!

Сергей Криворотов. Россия.

Рабочий день закончился, и толпы людей, уставших от дневной суеты, выплеснулись из дверей разнообразных фирм и фирмочек. Людская река растеклась по асфальту деловой части города, разделяясь на широкие - к метро и остановкам общественного транспорта - и более узкие потоки. Вокруг мелькали сотни одинаковых равнодушно-безразличных лиц, внезапно появляясь и мгновенно растворяясь в мельтешении часа-пик. Нити судеб на мгновение перекрещивались и тут же разъединялись, не оставляя друг на друге и следа...

Метро, как живое существо, флегматично пережёвывало пищу, с механическим клацаньем турникетов проглатывая очередную порцию людей и проталкивая её по пищеводу эскалатора туда, к поездам, которые уносили свои жертвы вглубь огромного тела этого подземного монстра.

Работая локтями и переругиваясь, перемешивалась людская масса в железном плену вагона, тщетно пытаясь занять удобную позицию. Яркими пятнами возникали и пропадали станции, наполнялись гулом тёмные тоннели перегонов, и в чередовании света и тени было что-то сюрреалистическое.

По мере удаления от центра вагоны пустели - насытившись, метро выплёвывало наружу, на свежий воздух недопереваренных, помятых в суете людей. Но насыщение было временно и поутру всё повторялось снова...

15.07.2012

Александр Смирнов. Ярославль.

ЯГОДНЫЕ МЕСТА

С утра дождик мелкий торопливый зачастил, потом ударило ливневой полосой, потоки лужиц закипели радостно, но дождь ослаб, стал сеять водной пылью, и уже не понятно было, пойдёт ли вновь, - низкие тучи всё ещё тянулись от горизонтов к горизонтам. Или вновь разверзнутся хляби небесные? Будет лить, и лить без продыху. Или распогодится? Солнце пробьёт-раздвинет лучами тяжёлые тёмные облака, ослепит мокрые деревья и чистые зеркала луж, засверкает крохотными бриллиантами на стриженных газонах, и разом воробьи звонко зачирикают, голуби ворвутся в высокую промытую синеву...

Вы как хотите, а мы с Людой и Ватсоном - в лес. Надумали и поехали чернику пособирать.

Уже на выезде из города попали в такую стену ливня, что пришлось остановить машину, но не вернулись, переждали.

Проехали мы километров сорок. И тут пред нами радуга засветилась, повисла яркой упругой дугой, а над нею ещё одна - расплывчатая и цвета её в обратном порядке: красный внутри обода, а фиолетовый наружу. Увидеть двойную радугу - хорошая примета, к удаче. Не стоит дальше ехать.

С дороги только сошли, ещё и в лес не углубились, а воздух совсем другой: густой и тихий. Ватсон, закрутив хвост калачиком, тут же стал бегать вперёд-назад, распугивать дремавших лягушат и скучавших без нас лесных пичужек. Торфянистая тропка влажная и мягкая, приятно по ней ступать. Правда, приходилось уворачиваться от высоченной цветущей крапивы, - неосторожно заде-нешь - обжигает, идёшь и почёсываешься. Огорчаться не стоит, крапива - трава целебная, её даже к ранам прикладывают, чтобы быстро заживали. У тропинки ореховая лощина: округлые листья по-летнему усталые. За орешником утомлённая зелень клёнов, берёз, ольхи...

Сквозь светлое разнолесье вошли в бор старых сосен. В тени меж вековых стволов - чистые мхи, сплетение кустарничников, островки можжевельника. Увидели и махонькие кустики чернички. Ягоды всё мелкие попадались, пока донца банок прикрыли, полчаса прошло.

А тропка нас дальше завлекает. Через болотца потянулась, брёвнышками заботливо выстелена. Озерко встретилось, живописное, словно с картины Васнецова «Алёнушка». На берегу чаща молодых сосенок, стволы теснятся, охвоенные ветви только в высоте под солнечными лучами, нижние - сохлые, надломанные, в облатках изумительно красивого, цвета античной патины, лишайника. Театральные сказочные декорации. Здесь-то настоящая черника и явилась нам. Кустики по кочкам растут, оттого кажутся высокими, и ягодками щедро обвешены. Пахнет только можжевельником, в прогалинках света повсюду его охристые стебли с пухлыми листиками-иглочками. А тишина-то какая. Люда на пяток шагов отойдёт, я её и не слышу: под ногами ковёр мягких мхов и рыжей хвои. В таких лесных ягодниках всегда жутковатая таинственная тишина, даже птиц не слышно, только одинокие комарики прерывисто тонюсенько и как-то испуганно звенят. Замечали?

Обираем чернику пальцами. Многие совками прочёсывают, ладно что с листвою, в раж войдя, выдирают кустики, один потянут, а следом ещё два зависают и сохнут. Корни паутиные, дерниной рыхлой чуть прикрытые, черника ими и разрастается, захватывая территорию, для нас же старается. Говорят, куст черники может сто лет прожить, - неужели не жалко?

На серебристых ягодах пальцы оставляют лёгкие мазочки. Дымчатый сизый налёт черники - это ягодный воск: оберегает от солнечного перегрева, порчи от росы и дождей, лучи отражаются, а капельки воды скатываются. Густое восковое напыление есть и на жимолости, голубике.

Чернику часто путают с голубикой. Я научу как различать. Черника - отдельными ягодками на веточках, а голубика - кисточками. Черника тёмно-сизого цвета, голубика - сизо-голубого. Овальные листики у черники заострённые, у голубики с закругленными кончиками. А если не запомнили мои приметки, раскусите ягодки: у черники плоть тёмно-красная, у голубики - розовая. Ваши губы, язык и пальцы от сока черники станут фиолетовыми, как от черёмухи, а голубика рот и руки не испачкает. Вот и все различия! И по вкусу ягоды похожи, чудо как хороши! Только черника чуть более терпкая и вязкая, сахаристая с лёгкой кислинкой, мякоть её

литых ягод плотная пурпурная с крохотными семянышками. Голубика покислее, мякоть крахмалистая, какой-то диковатый хмельной привкус имеет. В родных мне таёжных краях раньше собирал немало этой ягоды, там её называют - голубица.

Богатые голубичники на моей родине. Только и комаров в тех местах, на болотистых марях, пропасть сколько: идёт человек, а со стороны - будто серое облако колыхается - такой его эскорт сопровождает, и каждый комарище норовит укусить, или в рот влететь. В облачном облике не только человека, но и медведя можно повстречать. Любят косолапые лакомиться голубицей. У нас в любой деревне расскажут истории о пьяных медведях: нажрут-де хмельных ягод, начнут песни реветь, а потом храпеть на солнцепёке. Осторожными надо быть в голубичниках, чтобы на подгулявшего мишку не наступить, всякие случаи бывали, - одна бабушка хворостиной медведя гоняла... сослепу за бурю корову приняла.

Да ладно, не пугайтесь, мы же не в тайге, - в пригороде ягоду собираем, нет здесь берложников. Но дикого кабана встретить можно, - пока тропинкой шли, приметил следы покопок и лёжек. Не знаю, объедает ли кабан чернику, его любимое занятие - ворошить мягкую лесную подстилку, опад листьев, коры, ветвей и плодов: ищет сочные корешки, отростки побегов, лакомится улитками, жирными личинками, дождевыми червями. Зрение неважное, за пятнадцать шагов может не увидеть человека, зато обоняние и слух отличные, на них и надежда, учуяв-услышав, уйдёт подальше. А ещё - на Ватсона, отважный пёсик не даст в обиду, лишь бы в лесу не заблудился, прогоняя вепря.

Люда научила Ватсона отрывать чернику с кустика, понравилось тому лакомиться. Так вот втроём и обирали ягодки. Обирали-собирали. И уже стало нам казаться, что всё в какой-то дремоте. Тени колыхаются в проблесках, передвигаются, диск солнца плывёт подрагивает в мареве неба... Должно, сомлели. Даже неугомонный Ватсон умаялся, стал на бок приваливаться, розовый язычок показывать.

Выбрали мы валежину не замшелую, посуше, присели почаёвничать. В китайском термосе напиток с лесным сбором: свежий липовый цвет, лепестки шиповника, ягодки земляники, красной смородины, листики малины, немножко мёда... Главный секрет духовитого чая - нежная гармония: ни один аромат и вкус не должен перебивать другие. Готового рецепта не осмелюсь посоветовать, только личным опытом можно определить - сколько и каких ягод, цветов, листочков, травинок, побегов веточку, или полветочки, класть в термос для запаривания и томления. Есть чайные сборы бодрящие, бывают успокаивающие. Витаминные и лечебные. Одни хороши в летнюю пору, другие зимой.

Напившись чаю, приободрились, воспрянули. Но с черникой решили пока не заморачиваться. По баночке набрали, хватит для первого похода. Ягодное место открыли, дорогу приметили. Хорошо бы и на грибы глянуть в этом лесочке...

К машине возвращались уже вдоль тропинки, поодаль. Высматривали меж деревьев. Видели, но не брали сыроежки, моховики, опёнки. А в корзинку попали болотные подберёзовики стройные, светлые и влажные, подосиновики с плотными оранжевыми головками на коренастых рябеньких синеющих ножках, и три боровичка толстых бархатистых. Замечательный улов, пусть и не великий. Потушить в сметане с лучком и укропчиком - вкуснятина, за уши не оттащишь. Или грибочки поджарить с картошечкой? Размечтались, а тут на нас в лесной чащобе местные комары и набросились, словно поджидали... злющие такие. Стали мы себя шлёпать, шаг ускорять. На тропку выскочили и, отмахиваясь, почти бегом отступали, а комары гнались, не отставали, самые наглые даже в машину за нами вломились. Известно, в походах всё гладко да сладко не случается.

Дома участники загородной экспедиции предалися занятиям по интересам. Я присел записывать эту историю. Ватсон бесцеремонно завалился спать на диване; иногда, встрепенувшись, подёргивал лапками: куда-то бежал, за кем-то гнался. Люда протёрла чернику с сахаром, а грибы в сметане с молодой картошкой, луком и укропом запекла в духовке: в жизни не едал ничего вкусней.

Столько за день впечатлений. Даже половины не передал. Но и за новыми поехать надо. Уж мы-то с вами знаем ягодные места. Не счесть их по России.

Александр Герасимов г. Калининград. Июль, 2017

- Говорят, что гениальность - это болезнь.
- Пусть это вас не беспокоит, вы выглядете вполне здоровым.

